

ОСОБЕННОСТИ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО ДЕЛАМ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ ДОЛЖНИКА, ИСКЛЮЧЕННОГО ИЗ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

И. А. Кузнецова, a76.ikuznetsova@arbitr.ru

Д. А. Колесников, denis_kolesnikov_1@mail.ru

Арбитражный суд Челябинской области, Челябинск, Россия

Аннотация. В статье раскрываются существующие правоприменительные подходы к вопросу начала течения срока исковой давности по делам о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника – юридического лица, исключенного из Единого государственного реестра юридических лиц. Освещаются позитивные и дискуссионные элементы выработанных подходов, отмечается важность их унификации с целью упорядоченности и предсказуемости механизмов судебной защиты. Затрагиваются вопросы разграничения имущественной ответственности юридических лиц и контролирующих их руководителей и учредителей. Акцентируется внимание на исключительном характере субсидиарной ответственности, вытекающей из корпоративных обязательств контролирующих лиц, обуславливающей спорность применения общих положений института субсидиарной ответственности. Отмечается актуальность исследуемого вопроса, вытекающая как из распространенности доводов о пропуске срока исковой давности в качестве противодействия заявленным кредиторами требованиям, так и предусмотренной законом личной имущественной ответственности контролирующих лиц должника. В качестве наиболее сбалансированного подхода предлагается связывать начало течения срока исковой давности с датой внесения в Государственный реестр сведений о прекращении деятельности должника – юридического лица.

Ключевые слова: исковая давность, начало течения срока исковой давности, субсидиарная ответственность, контролирующее лицо, недействующее юридическое лицо, исключение юридического лица в административном порядке, презумпция добросовестности, презумпция вины причинителя вреда.

Для цитирования: Кузнецова И. А., Колесников Д. А. Особенности исчисления сроков исковой давности по делам о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника, исключенного из единого государственного реестра юридических лиц // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 4. С. 60–70. DOI: 10.14529/law230409.

Original article
DOI: 10.14529/law230409

FEATURES OF CALCULATING THE LIMITATION PERIOD IN CASES INVOLVING SUBSIDIARY LIABILITY OF CONTROLLING PERSONS OF A DEBTOR EXCLUDED FROM THE UNIFIED STATE REGISTER OF LEGAL ENTITIES

I. A. Kuznetsova, a76.ikuznetsova@arbitr.ru

D. A. Kolesnikov, denis_kolesnikov_1@mail.ru

Arbitration Court of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article reveals the existing law enforcement approaches regarding the issue of the beginning of the limitation period in cases involving subsidiary liability of controlling persons of the debtor—a legal entity excluded from the Unified State Register of Legal Entities.

The positive and debatable elements of the developed approaches are highlighted, the importance of their unification for the purpose of ordering and predictability of judicial protection mechanisms is noted. The issues of differentiation of property liability of legal entities and their controlling managers and founders are touched upon. Attention is focused on the exceptional nature of subsidiary liability arising from the corporate obligations of controlling persons, which causes the controversial application of the general provisions of the institute of subsidiary liability. The relevance of the issue under study is noted, arising both from the prevalence of arguments about missing the limitation period as a counteraction to the claims declared by creditors, and the personal property liability of the debtor's controlling persons provided for by Law. As the most balanced approach, it is proposed to link the beginning of the limitation period with the date of entry into the State Register of information on the termination of the debtor-legal entity.

Keywords: limitation period, beginning of the limitation period, subsidiary liability, controlling person, invalid legal entity, exclusion of a legal entity in an administrative order, presumption of good faith, presumption of guilt of the harm-doer.

For citation: Kuznetsova I. A., Kolesnikov D. A. Features of calculating the limitation period in cases involving subsidiary liability of controlling persons a debtor excluded from the Unified State Register of Legal Entities. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2023. vol. 23. no. 4, pp. 60–70. (in Russ.) DOI: 10.14529/law230409.

Возможность защиты нарушенного права с привлечением органов публичной власти является важной составляющей гражданского общества и правового государства. В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституцией Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. При этом лапидарность данной правовой нормы с точки зрения юридической техники, как представляется, призвана подчеркнуть ее абсолютность и однозначность.

Указанное, в частности, означает, что защита в суде может реализовываться самым широким кругом субъектов правоотношений. Более того, правоспособность физических и юридических лиц прекращается лишь их фактическим выбытием из объективной реальности: смертью, исключением из государственного реестра.

Применительно же к интересующей нас сфере гражданских правоотношений следует также обратить внимание на п. 2 ст. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), закрепляющий, что отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав, по общему правилу, не влечет прекращения этих прав. Процессуальная регламентация права на судебную защиту изобилует еще более конкретными формулировками. Например, в ч. 3 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) указано, что отказ от права на обращение в суд недействителен.

Тем не менее, говоря об абсолютности как имманентном качестве права на судебную

защиту, не следует проводить параллель между абсолютностью и вседозволенностью, поскольку, будучи присущим каждому, данное право тем не менее является элементом общей правовой системы, существуя в пространственной и временной плоскости.

Так, наглядным подтверждением данного тезиса являются правовые нормы о невозможности обращаться в суд с требованиями, которые уже были рассмотрены компетентным судом, о недопустимости злоупотребления правами, например, посредством искусственного изменения подсудности спора или разделения исковых требований. Основанием для отказа в защите нарушенного права является и истечение срока исковой давности.

Как разъяснено в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», истечение срока исковой давности является самостоятельным основанием для отказа в иске (абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ). Если будет установлено, что сторона по делу пропустила срок исковой давности и не имеется уважительных причин для восстановления этого срока для истца – физического лица, то при наличии заявления надлежащего лица об истечении срока исковой давности суд вправе отказать в удовлетворении требования только по этим мотивам, без исследования иных обстоятельств дела.

В ст. 195 ГК РФ содержится нормативная дефиниция понятия исковой давности, согласно которому исковой давностью призна-

ется срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Значение института исковой давности в гражданском праве сложно и многогранно, но его основная цель представляется очевидной: дисциплинировать участников оборота, стимулировать их к осуществлению принадлежащих им прав и исполнению обязанностей. Известно, что неопределенность в гражданско-правовых отношениях в целом противоречит их сущности, поэтому нормы данного института носят императивный характер [1, с. 138].

Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно отмечал, что институт исковой давности в гражданском праве имеет целью упорядочить гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников, способствовать соблюдению хозяйственных договоров, обеспечить своевременную защиту прав и интересов субъектов гражданских правоотношений, поскольку отсутствие разумных временных ограничений для принудительной защиты нарушенных гражданских прав приводило бы к ущемлению охраняемых законом прав и интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собирания и сохранения значимых для рассмотрения дела сведений и фактов. Применение судом по заявлению стороны в споре исковой давности защищает участников гражданского оборота от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав (см., например, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2006 г. № 445-О, от 18 октября 2012 г. № 1947-О, от 21 сентября 2017 г. № 1791-О, от 21 сентября 2017 г. № 1792-О, постановления Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 20-П, от 15 февраля 2016 г. № 3-П).

В силу п. 1 ст. 196, п. 1 ст. 197 ГК РФ общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 ГК РФ. Однако для отдельных видов требований законом могут устанавливаться специальные сроки исковой давности, сокращенные или более длительные по сравнению с общим сроком.

Суды неоднократно подтверждали гражданско-правовую деликтную природу требований о привлечении к субсидиарной ответст-

венности и требований о взыскании убытков [2]. Сложившаяся судебная практика исходит из того, что субсидиарная ответственность является частным видом гражданско-правовой ответственности, в силу чего возложение на лицо, которое в силу закона уполномочено выступать от имени общества, обязанности нести субсидиарную ответственность осуществляется по общим правилам, установленным ст. 15 ГК РФ (см., например, п. 22 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июня 2020 года; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 3 июля 2020 г. № 305-ЭС19-17007(2), постановления Арбитражного суда Уральского округа от 25 февраля 2022 г. № Ф09-10566/21 по делу № А50-24342/2020, от 18 мая 2022 г. № Ф09-1592/22 по делу № А76-47891/2020, постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14 декабря 2021 г. № Ф02-6875/2021 по делу № А19-381/2021, постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 февраля 2020 г. № Ф05-24490/2019 по делу № А40-99462/2019, постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 17 марта 2021 г. № Ф06-238/2021 по делу № А12-7965/2020, от 28 августа 2020 г. № Ф06-64622/2020 по делу № А06-11672 / 2019, от 17 июля 2019 г. № Ф06-48292/2019 по делу № А65-21553/2018, постановление Арбитражного суда Центрального округа от 15 марта 2022 г. № Ф10-549/2022 по делу № А09-10405/2020).

Следовательно, по данной категории споров надлежит руководствоваться общими правилами о трехлетнем сроке исковой давности. При этом согласно ст. 200 ГК РФ течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. Упрощение данных условий позволяет прийти к выводу, что течение срока исковой давности определяется первым днем просрочки, допущенной контрагентом, в связи с чем в большинстве случаев определение начала течения исковой давности не представляется проблемным.

В то же время применительно к вопросу о взыскании убытков с контролирующих лиц исключенного из Единого государственного

реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) должника обоснованность применения такого подхода представляется сомнительной. Так, исходя из данного подхода, можно будет прийти к выводу, что право требования задолженности с контрагента – юридического лица, а равно право требования убытков с его контролирурующих лиц возникают одновременно, а начало течения срока исковой давности по таким требованиям совпадает.

Вместе с тем такое утверждение вступает в противоречие с п. 1 ст. 48 и п. 2 ст. 56 ГК РФ, согласно которым юридическое лицо от своего имени приобретает и осуществляет гражданские права и несет гражданские обязанности, выступает истцом и ответчиком в суде, а учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ или другим законом.

Более того, сама сущность субсидиарной ответственности заключена не в факте наличия задолженности перед кредитором, а в фактах недобросовестного и неразумного поведения контролирующих лиц должника, очевидно свидетельствующего о нежелании произвести расчеты по обязательствам.

Актуальность данной проблемы обуславливается и положениями ст. 399 ГК РФ, согласно п. 1 которой до предъявления требований к лицу, которое в соответствии с законом, иными правовыми актами или условиями обязательства несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником (субсидиарную ответственность), кредитор должен предъявить требование к основному должнику. И лишь в том случае, если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответ на предъявленное требование, это требование может быть предъявлено лицу, несущему субсидиарную ответственность.

Не означает ли данное положение, что право предъявления требований к субсидиарному должнику возникает по факту истечения срока, отведенного на его исполнение основным должником? В таком случае точки отчета исковой давности по данным требованиям уже будут различными.

Кроме того, представляется, что положения ст. 399 ГК РФ подразумевают возмож-

ность «переадресации» требования лицу, ответственному по обязательствам должника, однако не затрагивают вопроса трансформации правовой природы данного требования. Иными словами, исходя из содержания ст. 399 ГК РФ субсидиарному должнику выдвигается то же денежное требование, что и основному, но не требование о взыскании убытков, а в основу требования кредитора закладываются обстоятельства нарушения обязательств безотносительно аспектов разумности и добросовестности субсидиарного должника.

Наряду с изложенным следует также отметить, что упоминаемая статья ГК РФ не дает ответа на вопрос о возможности привлечения к субсидиарной ответственности в том случае, если требование к основному должнику не было просужено или в принципе не заявлялось кредитором. Например, в случае прекращения деятельности юридического лица и исключения основного должника из ЕГРЮЛ.

Итак, применительно к требованиям о привлечении контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности необходимо определить, в течение какого срока права взыскателя могут быть защищены в суде в отсутствие риска их нивелирования институтом исковой давности.

Как было отмечено Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 15 февраля 2016 г. № 3-П, по смыслу ст. 8, 34 (ч. 1), 35 (ч. 1) и 71 (п. «ж», «о») Конституции Российской Федерации федеральный законодатель уполномочен на введение изъятий из общего правила о применении исковой давности, если их необходимость обусловливается природой и социальной значимостью тех или иных правоотношений. Это означает, что в пределах своих дискреционных полномочий он вправе не только устанавливать, изменять и отменять сроки исковой давности в зависимости от целей правового регулирования и производить их дифференциацию при наличии к тому объективных и разумных оснований, но и определять порядок их течения во времени, момент начала и окончания, с тем чтобы обеспечить реальную возможность исковой защиты права, стабильность, определенность и предсказуемость правового статуса субъектов гражданских правоотношений.

В этой же связи следует отметить, что требование о защите нарушенного права при-

нимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности, тогда как сама исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре (п. 1, 2 ст. 199 ГК РФ). Вместе с тем, в условиях личной имущественной ответственности бывших руководителей и учредителей исключенного из ЕГРЮЛ должника ссылка на истечение сроков исковой давности является одним из наиболее распространенных способов защиты против доводов взыскателя.

Данное обстоятельство в значительной степени актуализирует исследуемый вопрос, тем более что до настоящего времени и судебная практика находится в процессе сбала-нсированного унифицированного подхода.

Например, отказывая в иске о взыскании в субсидиарном порядке убытков с контролирующих лиц исключенного из ЕГРЮЛ должника Арбитражный суд Свердловской области в решении от 16 ноября 2019 г. по делу № А60-14110/2019 отметил, что истцу стало известно об отсутствии у общества денежных средств, необходимых для погашения задолженности перед истцом, из постановления судебного пристава-исполнителя от 30 октября 2015 г., которым окончено исполнительное производство. Иск по настоящему делу предъявлен истцом 13 марта 2019 г., то есть по истечении трехлетнего срока исковой давности.

Судами апелляционной и кассационной инстанций данное решение было оставлено без изменения. При этом ими было отмечено, что прекращение деятельности юридического лица не свидетельствует о переходе обязательств общества на его учредителей, руководителей общества. Ссылка истца на то, что срок исковой давности необходимо исчислять с момента внесения записи в ЕГРЮЛ о ликвидации должника, была отклонена, поскольку специальный срок исковой давности, урегулированный п. 3.1 ст. 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон № 14-ФЗ), не установлен, в связи с чем учету подлежат общие сроки (ст. 196, 200 ГК РФ) (см.: постановления Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 декабря 2019 г. № 17АП-16774/2019(1)-АК, Арбитражного суда Уральского округа от 24 марта 2020 г. № Ф09-1352/20 по делу № А60-14110/2019; определением Верховного Суда РФ от 30 ноября 2020 г. № 309-ЭС20-

8900 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данных судебных актов).

Аналогичное мнение также отображено в ряде судебных актов других арбитражных округов (например, постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 22 июля 2021 г. № 10АП-12471/2021 по делу № А41-6053/2021 (постановлением Арбитражного суда Московского округа от 6 октября 2021 г. № Ф05-24679/2021 данное постановление оставлено без изменения; определением Верховного Суда РФ от 14 января 2022 г. № 305-ЭС21-26 400 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления), постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28 апреля 2023 г. № Ф09-1633/23 по делу № А76-13695/2021, постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2022 г. № 17 АП-6119/2022(1)-АК по делу № А60-31422/2021 (постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 6 октября 2022 г. № Ф09-6749/22 данное постановление оставлено без изменения)).

Само по себе исключение общества с ограниченной ответственностью из ЕГРЮЛ – учитывая различные основания, при наличии которых оно может производиться, возможность судебного обжалования действий регистрирующего органа и восстановления правоспособности юридического лица, а также принимая во внимание принципы ограниченной ответственности, защиты делового решения и неизменно сопутствующие предпринимательской деятельности риски – не может служить неопровержимым доказательством совершения контролирующими общество лицами недобросовестных действий (см., постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 декабря 2022 г. № 18АП-13656/2022 по делу № А76-13695/2021).

Схожий подход был применен по делу № А48-4916/2021. Однако в рамках указанного дела судами было отмечено, что срок исковой давности подлежит исчислению не с даты вынесения постановления судебного пристава-исполнителя о прекращении исполнительного производства, а с даты его направления

взыскателю. Так, по мнению судов, взыскатель, поручивший исполнение судебного решения государственной службе, специально созданной для этих целей, имеет разумные ожидания того, что он будет проинформирован путем индивидуального извещения об объективной невозможности продолжения процедуры взыскания, начатой по его заявлению. Возложение на него обязанности по самостоятельному отслеживанию публикаций о судьбе должника, в том числе на таких ресурсах, как Единый федеральный реестр сведений юридических лиц, в журнале «Вестник государственной регистрации», является чрезмерным (см., решение Арбитражного суда Орловской области от 21 октября 2021 г. по делу № А48-4916/2021; постановлениями Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 февраля 2022 г. № 19АП-6801/2021 и Арбитражного суда Центрального округа от 26 мая 2022 г. № Ф10-999/2022 вышеуказанное решение было оставлено без изменения; определением Верховного Суда РФ от 27 июля 2022 г. № 310-ЭС22-11804 отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

Заслуживающая внимания позиция изложена в постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 21 октября 2022 г. № Ф10-4179/2022 по делу № А68-129/2022, где, оставляя в силе акты судов нижестоящих инстанций, суд округа отметил, что задолженность по оплате арендных платежей возникла у общества за 2011–2014 гг., о наличии задолженности истцу было известно с дат вступления в законную силу решений Арбитражного суда Тульской области от 29 августа 2011 г. по делу № А68-3792/2011 и от 21 января 2014 г. по делу № А68-9210/2013. Для привлечения контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности в порядке ст. 53.1 ГК РФ не требуется предварительного прекращения деятельности юридического лица, в связи с чем ссылка истца на начало течения срока исковой давности с 23 сентября 2020 г. основана на неверном понимании существа спорных правоотношений. Определением Верховного Суда РФ от 3 февраля 2023 г. № 310-ЭС22-27894 отказано в передаче дела № А68-129/2022 в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного

Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления.

В постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 31 января 2023 г. № 09АП-76235/2022 по делу № А40-25028/2022 было отмечено, что течение срока исковой давности по требованию к субсидиарному должнику начинается со дня, когда кредитор узнал или должен был узнать о нарушении своего права, то есть с момента неисполнения основным должником обязательства о погашении задолженности. Возврат суммы займа происходит ежемесячно, начиная с апреля 2017 года и до полного погашения суммы займа, выплата производится в период с 25-го по 30-е число каждого месяца. Таким образом, течение срока исковой давности началось в апреле 2017 года, со дня, когда истец узнал о нарушении своего права. Вместе с тем до даты направления настоящего иска (11 февраля 2022 г.) истец в суд с требованием о взыскании задолженности с общества как должника по договору не обращался. Настоящий иск подан 11 февраля 2022 г., то есть за пределами срока исковой давности (постановлением Арбитражного суда Московского округа от 14 апреля 2023 г. № Ф05-5339/2023 данное постановление оставлено без изменения).

В то же время Арбитражный суд Московского округа в одном из своих постановлений отметил, что суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу о том, что срок исковой давности по заявленным требованиям начал течь с момента прекращения деятельности должника, то есть 12 марта 2019 г. Учитывая, что исковое заявление направлено в суд 20 апреля 2020 г., о чем свидетельствует почтовый штамп на конверте, в котором исковое заявление поступило в арбитражный суд, срок исковой давности по заявленным требованиям пропущен не был (постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 августа 2022 г. № Ф05-17271/2022 по делу № А40-155035/2020; определением Верховного Суда РФ от 9 декабря 2022 г. № 305-ЭС22-22845 отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

В постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26 апреля 2022 г. № Ф01-1234/2022 по делу № А28-14454/2020

также было отмечено, что моментом, с которого у компании возникли основания для предъявления требований о привлечении к субсидиарной ответственности руководителей ООО ТК «Киров-Тат-Шина», является дата внесения сведений о прекращении должника (исключения из ЕГРЮЛ недействующего юридического лица) – 29 июня 2020 г., в связи с чем оснований считать срок исковой давности пропущенным не имеется (определением Верховного Суда РФ от 23 августа 2022 г. № 301-ЭС22-13908 отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

О необходимости исчисления срока исковой давности по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц исключенного из ЕГРЮЛ должника именно с даты такого исключения также указано в постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 июня 2021 г. № Ф02-2382/2021 по делу № А78-13622/2019 (определением Верховного Суда РФ от 18 октября 2021 г. № 302-ЭС21-18415 отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления), постановлениях Арбитражного суда Уральского округа от 4 апреля 2023 г. № Ф09-1370/23 по делу № А50-15233/2021, от 22 февраля 2022 г. № Ф09-10040/21 по делу № А76-51234/2019, постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 13 ноября 2020 г. № Ф10-4340/2020 по делу № А36-10863/2019, постановлениях Арбитражного суда Поволжского округа от 28 марта 2023 г. № Ф06-736/2023 по делу № А65-4681/2022, от 19 мая 2022 г. № Ф06-18208/2022 по делу № А72-9574/2021, постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 августа 2021 г. № 15АП-13204/2021 по делу № А53-11807/2020 (постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30 ноября 2021 г. № Ф08-10344/2021 данное постановление оставлено без изменения; определением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2022 г. № 308-ЭС21-28219 отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

Арбитражным судом Челябинской области в решении от 16 апреля 2021 г. по делу № А76-6948/2020 было указано, что генезис института субсидиарной ответственности обусловлен прежде всего обеспечением прав кредиторов на взыскание неполученного долга с другого обязанного лица, если первое лицо не может его внести, а, следовательно, носит дополнительный (вспомогательный, резервный) характер. Согласно ст. 392.2. ГК РФ, долг может перейти с должника на другое лицо по основаниям, предусмотренным законом. Для перехода долга в силу закона не требуется согласие кредитора, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства. При указанных обстоятельствах суд пришел к выводу, что при фактическом наличии общества-должника, обязанного в силу закона выплатить действительную стоимость доли бывшему участнику, соответствующая обязанность не могла перейти к иному лицу, указанному в п. 1-3 ст. 53.1 ГК РФ. Юридическим фактом, послужившим началом течения срока исковой давности, является исключение общества из ЕГРЮЛ. Суды вышестоящих инстанций с данными выводами согласились (см.: постановления Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 августа 2021 г. № 18АП-7993/2021, 18АП-6834/2017 и Арбитражного суда Уральского округа от 16 ноября 2021 г. № Ф09-7655/21 по делу № А76-6948/2020).

Интересная позиция, также несколько схожая с предыдущей, изложена в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 февраля 2023 г. № Ф04-7081/2022 по делу № А45-1511/2022. Так, суд округа указал, что после судебного взыскания задолженности с общества с ограниченной ответственностью, не исключенного из ЕГРЮЛ, а, значит, презюмируемого действующего, кредитор имеет разумные ожидания удовлетворения своих притязаний за счет имущества юридического лица, за которое, по общему правилу, не отвечают ни его руководитель, ни участники (п. 2 ст. 56 ГК РФ). Особенности привлечения к субсидиарной ответственности при административной ликвидации обществ с ограниченной ответственностью является прежде всего, факт такой ликвидации общества в порядке ст. 64.2 ГК РФ и ст. 21.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных

предпринимателей», ранее наступления которого не может начать течь исковая давность, поскольку именно с ним п. 3.1 ст. 3 Закона № 14-ФЗ связывает право кредитора на привлечение контролирующего должника лицо к субсидиарной ответственности, отождествляя исключение общества из ЕГРЮЛ с отказом основного должника от исполнения обязательства (абз. 2 п. 1 ст. 399 ГК РФ), устраняющим почву для разумных ожиданий кредитора на получение от него предоставления. При этом для начала течения срока исковой давности кредитор должен быть осведомлен о ликвидации должника в административной процедуре, однако, он не обязан каждодневно проверять сведения ЕГРЮЛ без веских поводов для этого, так как подобное действие не входит в общий стандарт осмотрительности при поведении в гражданском обороте (определение Верховного Суда РФ от 26 июня 2020 г. № 303-ЭС19-25156). Кредитор может по уважительным причинам узнать об исключении общества из ЕГРЮЛ позже свершения этого юридического факта, что должно сдвигать начало течения субъективного срока исковой давности (п. 1 ст. 196 ГК РФ) в пределах объективного срока исковой давности (п. 2 ст. 196 ГК РФ, п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса РФ об исковой давности»).

В этом же постановлении были отображены юридические факты, обуславливающие начало течения срока исковой давности, а именно с момента, когда кредитор общества узнал или должен был узнать: 1) об административной ликвидации общества; 2) о лице, имеющем статус контролирующего; 3) о его неправомерных, то есть недобросовестных или неразумных, действиях.

Таким образом, обобщив судебную практику, можно констатировать многообразие подходов, используемых при определении начала течения срока исковой давности по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности. Так, по мнению судов, исковая давность подлежит течению с момента:

1) вынесения судебным приставом-исполнителем постановления об окончании исполнительного производства и размещения соответствующей информации в открытом доступе;

2) получения взыскателем постановления судебного пристава-исполнителя об окончании исполнительного производства или возврате иным уполномоченным органом или организацией исполнительного документа взыскателю;

3) вынесения решения суда о взыскании задолженности с должника;

4) истечения разумного или согласованного сторонами срока, отведенного для исполнения обязательства должником;

5) исключения основного должника из ЕГРЮЛ;

6) извещения кредитора об исключении должника из ЕГРЮЛ.

Безусловно, такое многообразие подходов, являющихся полярными, не может позитивно сказываться на защите прав, как кредитора, так и субсидиарного должника, поскольку идет в разрез с принципами стабильности и предсказуемости судопроизводства, затрудняет выработку должного процессуального поведения (процессуальной стратегии ведения дела). Как следствие, возникает необходимость унификации представлений об исчислении сроков исковой давности по данной категории дел. При этом, как представляется, такая унификация не может и не должна сама по себе носить безальтернативный характер. Иными словами, предлагаемая к выработке концепция должна быть направлена на фиксацию общих правил, подлежащих применению в отсутствие других подлежащих оценке судом обстоятельств. Например, согласно сформировавшейся судебной практике допустимо неприменение исковой давности в порядке исключения в случае явного злоупотребления, когда судом непосредственно установлено, что в результате недобросовестных действий ответчика стало невозможным или затруднительным своевременное обращение истца в суд за защитой своих прав (см. постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2011 г. № 17912/09, от 24 мая 2012 г. № 71802/11, от 24 сентября 2013 г. № 10715/12, от 26 февраля 2013 г. № 12913/12).

Представляется, что наиболее обоснованной из вышеизложенных позиций является та, которая связывает начало течения срока исковой давности с внесением в ЕГРЮЛ записи о прекращении деятельности должника. По нашему мнению, именно с этой даты у его кон-

тролирующих лиц возникает обязательство по возмещению убытков, которое носит не общий, а экстраординарный характер.

По крайней мере, Верховный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что субсидиарная ответственность является экстраординарным механизмом защиты нарушенных прав кредиторов, то есть исключением из принципа ограниченной ответственности участников и правила о защите делового решения менеджеров, поэтому по названной категории дел не может быть применен общий стандарт доказывания (см. постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2011 г. № 17912/09, от 24 мая 2012 г. № 71802/11, от 24 сентября 2013 г. № 10715/12, от 26 февраля 2013 г. № 12913/12).

В развитие данной позиции можно добавить, что иное толкование норм о субсидиарной ответственности применительно к механизму взыскания убытков с контролирующих лиц исключенного из ЕГРЮЛ должника нивелировало бы само сущностное понимание юридического лица как самостоятельного актора гражданских правоотношений. В этой связи Верховным Судом Российской Федерации также отмечалось, что сущность конструкции юридического лица предполагает имущественную обособленность этого субъекта, его самостоятельную ответственность, а также наличие у участников корпораций, учредителей унитарных организаций, иных лиц, входящих в состав юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений, что, по общему правилу, исключает возможность привлечения упомянутых лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица (см., например, определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 ноября 2022 г. № 305-ЭС22-11632 по делу № А40-73945/2021, от 6 марта 2023 г. № 304-ЭС21-18637 по делу № А03-6737/2020, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. № 18-КГ22-106-К4).

Обобщая вышеизложенное, мы соглашаемся с выводами Арбитражного суда Волго-Вятского округа, изложенными в постановлении от 19 января 2023 г. № Ф01-6451/2022 по делу № А43-34469/2021, где суд округа отметил, что при наличии у общества статуса дей-

ствующего юридического лица неосуществление юридическим лицом хозяйственной деятельности не порождает у кредитора права на привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих его лиц.

В то же время идея о возможности исчисления срока исковой давности с момента извещения кредитора об исключении должника из ЕГРЮЛ, допускающая возможность такого извещения позже его размещения среди открытых данных, представляется излишне смелой. С одной стороны, крайне затруднительно представить доказательства, уважительно обуславливающие ознакомление рачительного кредитора с открытыми данными ЕГРЮЛ значительно позже даты их опубликования. С другой стороны, без представления таких доказательств – определения начала течения исковой давности со слов истца – кредитор оказался бы в значительно более выгодной позиции, нежели должник. Более того, определенную сложность представляет и имплементация такого подхода в сформировавшуюся судебную практику. Так, в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» было прямо указано, что по смыслу ст. 205, а также п. 3 ст. 23 ГК РФ, срок исковой давности, пропущенный юридическим лицом, а также гражданином – индивидуальным предпринимателем по требованиям, связанным с осуществлением им предпринимательской деятельности, не подлежит восстановлению независимо от причин его пропуска.

В этой же связи следует обратить отдельное внимание на начало течения сроков исковой давности применительно к непросуженной задолженности, то есть к задолженности, которая до предъявления требований к контролирующим лицам не была взыскана с учрежденного и (или) возглавляемого ими общества. В этом случае, безусловно, вопрос об исковой давности уже можно будет рассматривать с двух аспектов: 1) с начала просрочки по основному обязательству со стороны должника; 2) с момента исключения должника из ЕГРЮЛ. При этом, как представляется, говорить о невозможности взыскания задолженности при указанных обстоятельствах в принципе будет неверно. По крайней мере, законом возможность привлечения к субсиди-

арной ответственности связывается с исключением должника из ЕГРЮЛ, а равно совершением его контролирующими лицами недобросовестных (неразумных) действий (бездействия). Иными словами, право на взыскание с субсидиарного должника убытков с фактом предварительного обращения к основному должнику не коррелируется. Таким же видится и толкование абз. 2 п. 1 ст. 399 ГК РФ, устанавливающего, что если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответ на предъявленное требование, это требование может быть предъявлено лицу, несущему субсидиарную ответственность.

Касательно же проблематики основного вопроса представляется допустимым применение выводов ВАС РФ, нашедших свое отражение в постановлении Президиума от 27 октября 1998 г. № 6544/98 по делу № А53-6454/97-С3-30: согласно ст. 399 ГК РФ лицо несет субсидиарную ответственность перед кредитором на тех же основаниях, что и основной должник. Такое лицо вправе выдвигать против требования кредитора те же возражения, что и основной должник по обязательству, в частности в силу п. 1 ст. 401 ГК РФ ссылаться на отсутствие вины последнего в неисполнении обязательства.

Поскольку в отсутствие судебного решения требование о взыскании задолженности с общества является спорным, субсидиарный должник приобретает право защищаться не только применительно к оценке своих действий, то есть указывать на свою добросовестность, но и по существу основного требования, которое ранее предметом рассмотрения не являлось. Как было указано выше, одним из способов защиты является ссылка оппонента на пропуск срока исковой давности. В этой связи разумно предположить, что истечение срока исковой давности по основному требованию, о котором было заявлено субсидиарным ответчиком, является основанием для отказа в иске безотносительно даты исключения общества-должника из ЕГРЮЛ. По крайней мере, такой вывод является логичным, поскольку до рассмотрения дела о привлечении к субсидиарной ответственности требование к основному должнику еще не было трансформировано в требование о взыскании убытков. Более того, между требованием к должнику и требованием к его контро-

лирующему лицу имеется устойчивая связь, поскольку предъявление второго требования невозможно без наличия первого.

Дискуссионным является и подход о течении исковой давности с момента вынесения решения суда о взыскании задолженности с исключенного впоследствии общества-должника.

Во-первых, данный подход в качестве детерминанта использует факт взыскания задолженности с должника без привязки к таким категориям, как «предпринимательский риск», «защита делового решения», «добросовестность/недобросовестность контролирующего лица».

Во-вторых, опускаются обстоятельства исключения должника из ЕГРЮЛ: в административном порядке, вследствие ликвидации, банкротства. Здесь же следует добавить, что при определенных обстоятельствах, например, неоднократной подачи заявлений со стороны заинтересованных лиц в налоговый орган, последним решение об исключении фактически недействующего юридического должника принято не будет, а значит, срок исковой давности у кредитора может истечь даже до исключения должника из ЕГРЮЛ.

В-третьих, такой подход также не отвечает на вопрос определения исковой давности применительно к непросуженной задолженности.

Как бы то ни было, при всей дискуссионности данного подхода нельзя говорить о его беспочвенности. Например, в постановлениях Президиума ВАС РФ от 10 июля 2012 г. № 1880/12 по делу № А46-1213/2011, а также от 27 июля 2011 г. № 2381/11 по делу № А54-24/2010-С6 отмечалось, что начало течения срока исковой давности для предъявления требования к собственнику имущества учреждения, являющемуся субсидиарным должником, следует исчислять исходя из даты предъявления исполнительного листа к основному должнику и срока, установленного законом для удовлетворения требования по исполнительному листу. Главой III.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» также предусмотрена возможность взыскания убытков с контролирующих лиц общества-банкрота до его исключения из ЕГРЮЛ.

Вместе с тем необходимо также отметить, что применение общих и даже специальных (прежде всего банкротных) норм регулирова-

ния вопросов субсидиарной ответственности по спорам о взыскании убытков с контролирующих лиц должника следует осуществлять с учетом специфики данных правоотношений, их двойственной корпоративной сущности: ответчик отвечает по долгам учрежденного и (или) возглавляемого им юридического лица, которое к моменту рассмотрения спора уже не является действующим субъектом экономических отношений.

В настоящее время усилиями правоприменительной практики выработаны различные взгляды относительно вопроса исковой давности, что свидетельствует не только о его практической значимости, но также сложности и многогранности. Консолидация и унификация выработанных подходов является длительным и необходимым процессом, в связи с чем работа в данном направлении должна быть продолжена.

Список источников

1. Алексеев С. С., Алексеева О. Г., Беляев К. П. Гражданское право: учебник: в 2 т. М.: Статут, 2018. Т. 1. 558 с.
2. Карелина С. А. Субсидиарная ответственность в механизме защиты прав и законных интересов участников отношений несостоятельности: современные тренды // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 10–18.

References

1. Alekseev S. S., Alekseeva O. G., Belyaev K. P. *Grazhdanskoe pravo: v 2 t.* [Civil Law: in 2 vols.]. Moscow, 2018, Vol. 1. 558 p.
2. Karelina S. A. [Subsidiary liability in the mechanism of protection of the rights and legitimate interests of participants in insolvency relations: modern trends]. *Predprinimatel'skoe pravo [Entrepreneurial Law]*, 2022, no. 1, pp. 10–18. (in Russ.)

Информация об авторах

Кузнецова Инна Александровна, кандидат юридических наук, доцент, судья, председатель судебного состава, Арбитражный суд Челябинской области, г. Челябинск, Россия.

Колесников Денис Александрович, помощник судьи коллегии по рассмотрению экономических споров и иных дел, Арбитражный суд Челябинской области, г. Челябинск, Россия.

Information about the author

Inna A. Kuznetsova, Candidate of Law, Associate Professor, Judge, Chairman of the judicial staff, Arbitration Court of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia.

Denis A. Kolesnikov, Assistant Judge of the Board for Consideration of Economic Disputes and Other Cases, Arbitration Court of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia.

*Поступила в редакцию 19 июля 2023 г.
Received July 19, 2023.*